Глава 12. Утро добрым не бывает

Я крепко зевнул. Видимо, магия Хаён добралась и до меня, хоть и в гораздо меньшем количестве. Ей ещё учиться и учиться. Дежурство подходило к концу. Школьные кружки, в которые ходили школьники после пар, уже через каких-то двадцать минут заканчивали свою активность. Ученики расходились по домам. Сегодня я никуда не спешил, но был рад скорому завершению рабочего дня, я даже подумывал не идти в штаб дисциплинарного комитета. Мне было лень. Мне даже не хотелось идти в столовую во время дежурства, но пришлось (как говориться, голод не тётка!). Впредь еду стоит брать с собой. Завершение дня было неплохим. Меня уже ничто не могло потревожить.

— Где она? — сказал кто-то из-за спины.

— Кто? — уточнил я.

— Твоя напарница.

— Ааа, Хаён? Ушла.

— Что она со мной сделала? Я хочу её видеть. Мы будем сражаться!

— С добрым утром. Как там тебя зовут?

— Богдан!

Лицо нежданного гостя (или жданного?) становилось всё больше недовольным. Это был Богдан Громов. В этот раз он был сам.

— Повторюсь, она ушла, — сказал я. — Могу побыть вместе неё. Правда я старше… Побить меня будет труднее, чем её. Извини уж.

Богдан пристально смотрел на меня, но ничего не говорил. Может, он решил отступить?

Нет уж. Я тебя не отпущу, раз пришёл, нам стоит повеселиться. Сам я не видел, но мне казалось, что мои глаза засияли.

◊ ◊ ◊

(От 3 лица)

Маэда Исори целый день провёл с главой Сакурой Кудо, конечно, не считая времени занятий. Они сдружились. При этом умудрились оставить вопросы своих семей в стороне. Вначале ему было с ней трудно, что-то сковывало его в общении, но по прошествии недели всё прошло. У них был продуктивный день: они не только успешно следили за учениками, но и навели порядок в штабе, а также успели выполнить часть домашней работы, которую им задали. Вся информация и сплетни школы до них доходили очень быстро. Случай с Громовым — бомбой замедленного действия — эта участь не обошла.

— Ого, я так рада, что хоть в этот раз не дошло до чего-то серьёзного.

Глава была довольна.

— Кто он? — спросил Исори.

— Тот ещё проблемный ребёнок. Вечно устраивает шумиху и уничтожает школьное имущество. Бьёт людей. Задирает всех без разбору. Не знает когда нужно остановиться, не знает кого стоит, а кого не стоит трогать. (Хотя трогать не стоит никого.) Полный беспредельщик. Ещё и состоит в школьном совете и портит нам с ним отношения. Я с ним намучалась.

Сакура Кудо вздохнула.

— Надеюсь, мы когда-нибудь поставим его на место, — закончила она.

— Хорошая идея. Он даже повздорил с Хаён, которая всего лишь делала свою работу. Они долго спорили, из слов наблюдавших.

— Караак-кун разве был не с ней?

— Был, но…

— Почему он ничего не сделал? — перебила она недовольным голосом.

— Дело в том, что за последние дни, он ни разу не вмешивался, давая напарнице решать все проблемы самой… — смущённо ответил Исори. — Вы не знали?

— Нет! Когда вернутся, покажу ему!

Эти зловеще сказанные слова отражали настоящий темперамент девушки.

— Так что там случилось?

Исори чувствовал себя немного неловко, как в первые дни их общения, потому что голос главы не прекращал быть резким.

— Сначала говорили, что потерял сознание, а со слов медсестры он просто крепко спал. Больше она ничего не сообщила. Говорят, когда проснулся, долго не понимал, что произошло. Так смешно… — Исори запнулся, посчитав, что зря сказал последнюю фразу.

Однако Сакура Кудо проигнорировала это, лишь кратко ответив:

— Возможно.

Теперь у неё было задумчивое выражение.

Так они и работали; и за это время успели поговорить ещё о многих вещах.

Школьный день близился к концу.

До окончания работы оставалось каких-то пять-десять минут, когда прогремел «взрыв». Достаточно сильный, чтобы стекла одного из корпусов на какое-то время задрожали.

Сакура Кудо в это время обходила территорию школьного парка вместе с Роем и Леопольдом. (Она вышла прогуляться, а Маэда Исори остался в штабе.)

— Это было там! — сказал Рой.

Он указал в сторону одного из корпусов. Трое членов дисциплинарного комитета быстрым шагом направились туда. Когда они пришли, здесь уже были трое преподавателей (позже прибежали и медсёстры). Перед тремя школьниками предстала жестокая картина. На зелёной траве отчётливо виднелись пятна крови, коих было много. Учитель по классификации слэмов и директор наклонились и оглядывали валяющегося на спине с разорванной одеждой в районе живота Богдана Громова. У него была крупная рана. Куча царапин и ушибов. Кровь шла не прекращаясь. Ему оказывали первую помощь. В метрах пяти стоял Караак, вид которого был чуть по лучше. По всему телу ссадины. На правой руке виднелась рана. Она была не такой большой, как у лежавшего Богдана Громова, но вытекающей крови от этого меньше не стало. Рядом с ним стоял учитель Оуюн, который налаживал жгут, чтобы остановить кровотечение. Мужчина хмурился и ругался.

После случившегося инцидента обоих подростков отстранили от работы в школьном совете и

дисциплинарном комитете. Несколько учителей были назначены для разбирательства. Караака вылечили быстро. Он даже хотел отказаться от медицинской помощи, но преподаватели настояли. Его допросили сразу, заставив поведать свою версию случившегося. После разрешили посещать пары. Запретили шастать по территории школы в свободное время. Учителя временно следили за ним. Богдана Громова положили в школьный медпункт. Он был сильно ранен и не приходил в сознание. Поэтому преподавателям нужно было дождаться, когда тот очнётся, чтобы наконец-то полностью разобраться с инцидентом.

Глава 13. Как наяву

Прошло несколько дней.

В школьном медпункте, в одной из нескольких палат, лежал Богдан Громов. Сегодня он пришёл в сознание. Ран уже не было видно — вылечили его за несколько дней, но пробудился он не сразу. Рядом с его койкой сидел Юрий Ежи. Не очень высокий старик с острым носом. На голове русые волосы. Стрижка под ёжик. В целом он был живчиком. Лишь скулы на лице выдавали его возраст. В школе он преподавал боевую магию, проводил спарринги и отвечал за организацию некоторых соревнований. Он был одним из тех преподавателей, которого директор Ганц Йохансон назначил разбираться в произошедшей ситуации.

— С выздоровлением.

— Спасибо.

— Я здесь за тем, чтобы полностью разобраться в произошедшей несколько дней назад ситуации. Мне уже поскорее хочется закрыть этот вопрос, — сказал Юрий Ежи. — Ученик из дисциплинарного комитета, который тоже виноват в инциденте, рассказал нам, как всё было.

Богдан закатил глаза и сказал:

— Тогда мне вам нечего рассказывать.

— Нет, мне интересно услышать всё и от тебя, — сказал Юрий Ежи и добавил чуть медленнее. — От начала и до конца.

Богдан Громов знал — преподаватель не шутит. Он уже год отучился в этой школе и прекрасно понимал, что сейчас лучше забыть о своей гордости. Он, как и многие другие школьники, имел представление об этом на вид беззаботном человеке. Учитель обладал куда более скверным нравом, чем могло показаться на первый взгляд. Не затягивая, он начал рассказывать:

— Я повздорил с одноклассником. Мы просто спорили. Вскоре к нам подошёл он (Караак) со своей напарницей (Хаён). Та прицепилась ко мне, мы начали спорить, — он призадумался, — дальше я плохо помню.

— Продолжай, что помнишь.

— Я проснулся уже в медпункте. Медсестра сказала, что я просто крепко уснул, возможно, потерял сознание. Я ей не поверил. Решил поговорить с той первоклассницей из дисциплинарного комитета. Сначала сходил поел, а потом пошёл искать её. Наткнулся на того переведённого ученика, который до этого дежурил вместе в ней. Слово за слово и мы подрались.

— Кто первый развязал магию? — спросил Юрий Ежи.

Повисла пауза. Отвечать школьнику не очень хотелось, но он понимал, что сейчас лучше говорить всё как есть.

— Я… — ответил Богдан. — Он меня вывел!

— Вывести тебя не так-то и трудно, — сказал учитель. — Что ты использовал? Как тебе ответили? Ты ведь знаешь. Разновидность слэмов, которые можно использовать в школе вне занятий, ограничивается теми, которые вы здесь изучаете.

Богдан уже понимал, чем всё кончится. Он хотел поскорее закончить разговор. Чувствовал себя, как на допросе. Изначально он не планировал нарушать школьных правил и хотел использовать только разрешённую магию. В таких случаях обычно было проще уйти от серьёзного наказания, да и внимания обращали меньше…

— Всё началось с того, что я наколдовал столб воды. Закрутил. Получился водоворот ростом с того переведённого ученика. В него же и запустил. Со скоростью, но не большой. Я просто хотел сбить его с ног, чтобы он замолчал, а после уйти.

Юрий Ежи немного прищурился.

— Ну и чтобы потрепало его немного… — сказал Богдан Громов.

— Сбил?

— Нет…

Именно на этом моменте воспоминания о сражение наполнились куда более яркими красками.

◊◊◊

— Получи!! — сказал Богдан Громов.

Водоворот под два метра высотой на скорости полетел в сторону Караака. В толщину он был сравним с многовековым деревом. Шуршание воды отдавало в уши, но было недостаточно громким, чтобы привлечь внимание людей из других мест. Водоворот не касался земли, но за ним всё равно оставался след из прибитой к земле травы и капель воды, вылетавших из общего потока. В правильных руках смерч такого размера мог запросто стать грозным оружием. Богдана Громова можно было назвать именно таким человеком несмотря на то, что ему недоставало знаний и опыта. Возраст говорил о себе. В будущем он имел все задатки стать мощным волшебником, а это многого стоит. Ведь есть огромная разница между магом, работающим на каком-нибудь промышленном заводе и участвующим в синтезе, хоть и вкусных, но всё же леденцов, и человеком, способным отстаивать права своего государства и иметь не последний голос в обществе. Сильных волшебников слушали, потому что они сильнее тебя; ценили, когда они принимали участие в государственных, политических и военных делах; уважали, если их слова соответствовали их действиям.

Водоворот нёсся вперёд. Он пролетел около половины пути, когда внезапно вокруг него появилась яркая вспышка. Богдан Громов был одновременно шокирован и удивлён.

Шшш… Вся вода, мгновенно вскипела. Весь водоворот за доли секунды был объят огромным кольцом пламени, длинным столбом, вздымающимся вверх. Сильный жар ударил в лицо. На секунду Богдану Громову показалось, что он сам сейчас будет объят огнём. Сгорит заживо. Теперь он осознавал, что был поражён. Пламя грациозно вертелось. Вся вода, как капля, попавшая в кузнечную печь, моментально испарилась.

«Воды. Надо больше воды!», — подумал Богдан.

После недолгого оцепенения он пришёл в себя. Богдан Громов был решительно настроен продолжать бой. Он даже не подумал о том, что преподаватели уже были в пути (им трудно было такое не заметить). Не делай он ничего, победа была бы за ним, по крайней мере, он бы не стал виновником случившегося инцидента, а это тоже победа, хоть и своеобразная.

Богдан Громов побежал в сторону, оббегая оппонента. В правой руке он крепко вцепился в слэм-девайс, будто боясь его выронить. Устройство содержало в себе не одну магическую последовательность (активных кнопок было около десяти). Несмотря на такой большой выбор, пальцы Богдана Громова были готовы в любой момент активировать Синтез Воды. Он боялся, что это огромное количество пламени, которое сейчас кружило в двух метрах над переведённым учеником, бросится в его сторону и поджарит до корочки. В глубине сознания, он, конечно, верил, что этого не произойдёт.

Глава 14. У всего есть предел

Обогнув круг, он активировал магию воды. Жидкости в этот раз было куда больше.

«Давай», — мысленно крикнул Богдан Громов.

С бóльшей скоростью, чем это было в первый раз, вода полетела на врага. Сразу после этого завихрённый поток разделился на три таких же, но чуть меньших по размеру. Один полетел в сторону пламени, а два других в Караака, окружая его с двух сторон.

Несмотря на выпад, Богдан Громов не был уверен, что его атака пройдёт как надо: ему казалось, что пламени у его противника было невероятно много. Единственное, что его сейчас успокаивало, — это вера, что у врага израсходовано достаточное количество кварков и он не сможет синтезировать ещё больше пламени. Хотя сам осознавал, что думать так глупо.

«Как вообще он его создал?!» — удивляло его.

Неуверенность заставила Богдана Громова зажать кнопку Синтеза Воды ещё раз. Он направил кварки в слэм-девайс. Устройство мгновенно пропускало их через себя, предварительно сортируя и последовательно объединяя нужные между собой. На выходе образовывались молекулы воды, которые также как и кварки контролировались Богданом Громовым, подчинялись его воле. Воды становилось всё больше.

Первая атака пролетела уже чуть больше половины пути, когда Богдан Громов направил вторую. Её задачей было усилить первую струю, которая шла в направлении пламени. Богдан был уверен, что сможет избавиться от огненного кольца, порхающего в воздухе. Стоит отметить, что в диаметре оно было не менее двух метров.

Выполнив всё задуманное, Богдан Громов порядком истощился. Мысленно он вздохнул, но всё равно продолжал своё движение вперёд. Искоса поглядывая, теперь он только и хотел, что отдалиться от оппонента как можно дальше.

«Я тебя одолею», — подбадривал он себя, однако…

Вшууу.

Огонь…

Огонь…

Огонь…

Ещё больше пламени окружило все его водовороты. Оно приняло форму огненной сферы и закружилось, а затем разошлось в стороны, не давая чему-либо причинить хоть какой-то вред Карааку. Языки огня обвили всю воду, летевшую в его сторону, мгновенно превращая её в пар. Богдану Громову было больно на всё это смотреть.

Тем временем сам Караак быстро направился в сторону Богдана Громова. Небольшая часть пламени следовала за ним. То ли от подавленности, из-за пережитого поражения, то ли от страха и потери здравомыслия, загнанный в угол Богдан Громов вытянул руку со слэм-девайсом и зажал кнопку. Рефлекторно он использовал магию, которую ему даже родители запретили использовать без чрезвычайной ситуации, а эта таковой не являлась.

Ещё до того, как начала появляться белая вспышка, вызванная действиями Богдана Громова, Караак начал действовать.

Богдан Громов не понимал, что активирует не какое-то безобидное волшебство. Он использовал Магию Молнии, энергия которой, на минуточку, в правильных руках, была способна исчисляться примерно в 1 миллиард джоулей, что может быть эквивалентно взрыву четверти тонны тротила! Любой бы сказал: «Ну и дурак, этот Богдан Громов».

Вообще, сам того не осознавая, Богдан Громов выбрал одно из лучших решений для борьбы с магией огня, только вот, как правильно использовать это «решение» ему было неизвестно. Разряд молнии просто был нацелен в его противника!

Тонкий искрящийся белый луч вылетел и полетел в сторону Караака!

Однако взрыв произошёл раньше, когда молния столкнулась с чем-то на своём пути. Это был большой кусок камня, а точнее — известняка ($CaCO3$), который секундами ранее синтезировал Караак. Главной задачей было не дать молнии попасть в тело. Однако это привело к тому, что в результате столкновения появилось огромное количество каменных фрагментов, разлетевшихся во все направления с большой скоростью. Несмотря на то, что именно Караак использовал магию Кальцит — синтез известняка — сейчас даже ему было трудно управлять каменными осколками, из-за их большой скорости. Быстро сориентировавшись, он максимально сконцентрировался на тех фрагментах, которые могли угрожать жизни и насильно сменил их траекторию. Богдану Громову он тоже немного помог. Несмотря на это, один осколок всё-таки попал ему в живот, ещё и взрывная волна отбросила его назад.

В течение следующей минуты к месту происшествия уже прибежали директор и учителя.

◊ ◊ ◊

— Значит, так всё и было? — сказал Юрий Ежи.

— Да, — сказал Богдан Громов, который сидел с опущенной головой.

После того, как Юрий Ежи всё выслушал, он смог сопоставить рассказ мальчика со всем, что узнал ранее. Мысль о том, что дело с этим происшествием скоро будет закрыто (по крайней мере, формально), немного его радовала. Но это не отменяло того факта, что ещё остались нерешённые вопросы.

— Ты ведь понимаешь, насколько сильно ты нарушил правила? Ещё немного, и ты бы убил человека! — сказал учитель Ежи. — Ты использовал магию, которую нельзя использовать без веской причины, ещё и в школе! К тому же, твой отец сказал, что ты ею толком и не овладел!

— Вы общались с моим отцом?

Лицо Богдана Громова поникло ещё сильнее. Это был первый раз, когда за его выходку школа связалась напрямую с семьёй.

— Общался не я. Это был директор Ганц Йохансон. В школе никто не знал, что ты способен использовать такую магию. На всякий случай, мы подняли все документы, связанные с тобой. Вдруг, где-то там это указывалось. Однако вы не указали!

Говоря «вы», Юрий Ежи имел в виду не только Богдана, но и его родителей. Парень отчётливо это понял.

— За все нарушения, которые с этим связанны, администрация приняла решение конфисковать твой слэм-девайс.

— Но… — горестно пробормотал Богдан Громов.

— В школе тебе запрещено иметь собственный. На занятиях будешь пользоваться лишь теми, которые тебе выдадут преподаватели. Понял?

— Да…

Худшее, что Богдан Громов мог себе представить, начало воплощаться в жизнь. Он понимал — это ещё не конец.

— Кроме того, тебя исключили из Школьного Совета. Не пойми неправильно, это не способ наказать тебя, это для примера остальным. Тебя никто не трогал, когда ты поднимал мелкий шум. Детям нужно куда-то девать свою энергию, как-никак. Однако сейчас… Я не хочу, чтобы на твоём примере некоторые ученики зазнались. Будешь хорошо стараться и, если будет желание, тебя примут обратно. Только не раньше следующего семестра. Всё понял?

— Да…

Говорил Богдан Громов еле-еле, голосом умирающего человека, будто лежал на смертном одре.

Разговор подходил к концу.

— Ладно, я пойду. Тебя там друзья пришли навестить, но я запретил им идти вперёд меня. Настроение стоит поднимать только после общения со мной, а не наоборот, — сказал учитель; в его словах слышалась ирония.

— Ясно, — обречённо кивнул Богдан Громов, ему казалось, что сейчас он смог бы смириться с любой информацией, которую бы ему не сказали.

Юрий Ежи покинул палату. В двери показались лица Даниила Ветряка и Захара Мороза — его лучших друзей.

«Как хорошо иметь классных друзей, — успокоился Богдан Громов. — Особенно хорошо понимаешь это именно в такие моменты…»

Глава 15. Ганц Йохансон

Тук-тук.

— Входите.

Юрий Ежи вошёл в просторный кабинет, заставленный цветами в горшках. Попади кто-то случайно, подумал бы, что это какая-то оранжерея.

— О, это же учитель Юрий. Садись, — сказал Ганц Йохансон.

— Спасибо.

Расположившись поудобнее на стуле с мягкими подлокотниками и спинкой, Юрий Ежи протянул директору доделанный отчёт.

— Порядок? — спросил Ганц Йохансон.

— Да… — прохладно ответил Юрий Ежи, выглядя в целом не очень довольным.

— Ты до сир пор считаешь, что нужно было передать это дело в правоохранительные органы или, того хуже, в антимагический департамент? К этим зверям?

— Да, — ответил Юрий Ежи. Его голос был спокойным, но твёрдым.

— Я-то думаю, почему один из моих лучших преподавателей всё дуется на меня, — сказал и подмигнул директор.

Директор школы, Ганц Йохансон, выглядел лет на тридцать пять. Отросшие черные волосы торчали в стороны. На лице был немного сплюснутый «горбатый» нос, будто минуту назад в него заехали чем-то тяжёлым. Карие глаза самодовольно играли. Всё остальное было скрыто полной бородой, такой же чёрной, как и волосы.

— Я считаю, это было бы правильным решением, но Вам виднее, как поступать в таких ситуациях, — сказал Юрий Ежи. Он привык к директору и старался не вестись на его «чары». Хотя другой раз сам не замечал, как уже был под ними. Сила этих «чар» была велика: Юрий Ежи выходил из себя из-за сильного психоза.

— Дело в том, дорогой учитель Юрий, что мне есть кому доверить такие вещи в пределах школы, не вынося лишний сыр-бор за её пределы. Даже не знаю, — удивлённо воскликнул Ганц Йохансон, — что бы я без тебя делал?!

— Ясно. Я могу идти?

— Как самочувствие того мальчика?

Директор был на своей волне.

— Всё хорошо. Он здоров. Или вы ждёте, что я в очередной раз похвалю Вас за то, что обычный школьный медпункт превратился в «хирургическую больницу» под вашим руководством?!

— Нет, что ты, что ты. Я правда беспокоюсь. Тем более получить такое наказание. Любой

расстроится, а другой и умереть захочет. Ты же видел его рану? А как хлынула кровь… Просто ужасно! Я оказывал ему первую помощь. Так расстроился, когда лицезрел всё это. Поэтому я очень рад, что он выздоровел и на нём ни царапинки! Нынче таких результатов даже лучшие больницы Батора не добиваются.

— …Я уже могу идти?.. — переспросил Юрий Ежи.

— А второй что? — сказал Ганц Йохансон, снова не замечая адресованный ему вопрос и шурша чем-то в руках.

Юрий Ежи не понял. Заметив это, директор продолжил.

— Я о втором мальчике, который был вылечен сразу, как его отвели в медпункт.

— С ним я тоже сегодня виделся. Разрешил ему вернуться к обязанностям и убрал ограничения, наложенные на период разбирательства.

— Ты чем-то снова недоволен?

Всё время разговора, Ганц Йохансон мило улыбался. Лицо же Юрия Ежи с каждой новой фразой директора становилось морщинистее.

— Считаю, он вышел сухим из воды. Особенно на фоне второго виновника.

— Думаешь?

— Да. Хотя, конечно, я понимаю, что формально он ни в чём не виноват.

— Я и сам удивился, — Ганц Йохансон запнулся, откусывая шоколадного «Медвежонка Бима», — что Министерство образования ввело в школьную программу магию огня. Это опасно. Видимо, у них там дела совсем плохи.

— Да не в этом дело! Я лично занимаюсь оборудованием лаборатории для безопасного обучения в следующем семестре. С этим проблем не будет. Важно другое. Школьник, владеющий Магией Огня, не поставил в известность администрацию! Это слишком нагло!

— Разве после разбирательства не оказалось, что в анкете об этом говорится?

— Оказалось. В пункте Хобби! Как такое понимать?

— Согласен, — последний кусок «Медвежонка Бима» пропал во рту, — я в их возрасте

девочками увлекался. Куда молодёжь катится? — сказал Ганц Йохансон и впервые за весь разговор вздохнул не наиграно.

— Не знаю! — сердито, — поэтому и считаю, что вышел сухим из воды.

— В данном случае, ты сам виноват, решение было за тобой.

От этих слов Юрий Ежи стал ещё пунцовее. Даже не верилось, что этот всегда спокойный и хладнокровный человек мог испытывать такие эмоции и не подавлять их. Любой школьник, увидь сейчас преподавателя боевой магии, решил бы, что в него вселилась какая-нибудь нечисть. Как в сказке про Распутную Ведьму, которая вселялась в невинных парней и заставляла их делать непристойности друг с другом, а затем съедала один из их органов. Бывало сердце, потом печень, в другой раз ещё что-нибудь. Говорилось, что таким образов она мстила за трёх своих дочерей, каждая из которых умерла ужасной смертью. Детей этой сказкой обычно не пугают, а вот непослушных подростков — бывало.

— Я ухожу. У меня ещё много работы, — сказал Юрий Ежи, взяв себя в руки.

— Что там говорят твои бывшие сослуживцы?

Снова, не замечая слов преподавателя, директор заговорил о своём. Однако в этот раз слова его звучали немного иначе. Лишь те, кто знал его достаточно долго, смогли бы уловить эту перемену.

— Вы о чём?!

— Ну эти, твои дружки из АДа. Разве тебе не захотелось провести своё расследование, дополнительное?

— Вы же знаете, я уже давно не имею ничего общего с Антимагическим Департаментом! Я сам по себе, они сами по себе.

— Ясно-ясно. Так что они говорят? Не молчи. Мне же интересно, — директор снова говорил своим обычным голосом. Казалось, та мимолётная серьёзность, посетившая его секундами ранее, давным-давно улетучилась, будто и не было вовсе.

Выдержав паузу, Юрий Ежи ответил:

— Ничего не сказали, ученик как ученик. До перевода жил и учился в небольшом городке на западе страны. Потом их школу закрыли и все начали переводиться в другие. Он поступил к нам.

— Семья?

— Семьи нет. Из приюта. Документы подняли, людей поспрашивали — всё совпадает.

— В случае твоих дружков, то скорее «подопрашивали», а не «поспрашивали». Забыл, я тебе уже говорил, что они мне не нравятся? — спросил Ганц Йохансон с наигранно-задумчивым видом, наклонив голову набок.

— Говорили. Очень часто говорили…

— Точно? Наверное… Да, ты прав. Старость не радость…

Уже не злой и не добрый, а просто морально обессиленный Юрий Ежи ничего не ответил. Каждый раз, после общения с этим человеком, его мозги прекращали работать, превращаясь, будто в мёд.

Глава 16. «Наркоз»

— В общем, — надеясь закончить разговор, который и так затянулся, учитель боевой магии быстро заговорил, — они ничего не нашли. Обычный ребёнок. Если Вам так будет понятнее, то: за ним никого нет.

— Раз ты так говоришь. Значит, так оно и есть. Выходит парень-то, очень талантлив. Магия Огня, ещё и среагировал против Магии Молнии… — Ганц Йохансон задумался. — Какой синтез он использовал, ты ведь проверил?

— После происшествия мы проверили слэм-девайсы обоих. У него была реакция взаимодействия метана (CH4) с кислородом (O2). Именно её слэм Министерство образования ввело в школьную программу в начале этого года.

— Знаю-знаю. Тритий год; второй семестр; классы с юридическим уклоном, — медленно проговорил директор, выражая скорее мысли вслух, чем адресуя слова учителю рядом. Казалось, он уже не в первый раз обдумывал эту информацию. — Ты сказал, что обустраиваешь лабораторию для безопасного проведения занятий? Быстрый. Я бы задумался об этом, думаю, задень до начала первой пары. Хорошо, что у меня есть ты.

Ганц Йохансон улыбался, но больше не подмигивал.

Проигнорировав вторую часть фразы, Юрий Ежи ответил:

— Да. Синтез будет происходить за защитными барьерами. Так что, в случае потери контроля, ученик никому не сможет причинить вреда. Кроме того, слэм для магии будет только на школьных устройствах, которые я лично буду выдавать во время проведения занятий и забирать в конце.

— Ясно. Я рад, что именно ты отвечаешь за проведения этих пар, — задумавшись ненадолго о том, что ещё спросить, Ганц Йохансон продолжил. — Я слышал, ты запретил применять эту магию тому ученику в школе?

— Да.

— Но слэм оставил?

— Да.

— Понимаю, он лихо справляется с контролем пламени.

— Если бы не это и не то, что магию ввели в учебный процесс, внеся её, таким образом, в «незапрещенные» по правилам нашей школы, ученик Караак был бы наказан в разы, в разы серьёзнее.

— Зная тебя, я в этом не сомневаюсь.

Попрощавшись, Юрий Ежи наконец-то покинул кабинет Ганца Йохансона. Несмотря на, казалось бы, такие себе отношения, на деле они были друзьями. Он уважал директора школы №10, который по совместительству являлся Мировым Волшебником и главой Международной Организации Защиты Граждан — МОЗГа.

◊ ◊ ◊

Богдан Громов был выписан из медпункта в тот же день. Теперь он мог спокойно вернуться к занятиям, правда, путь в школьный совет был для него заказан. Он слышал, что вместо него взяли какого-то третьеклассника из класса 3-А. Это его огорчало. Однако больше всего после возвращения в обычный распорядок дня его напрягало другое. Неожиданно для себя, он стал «популярен» среди учеников третьего года обучения, которые просили его рассказать о Магии Молнии. Сначала ему было даже немного приятно, но вскоре он старался обходить таких

учеников третьей дорого, что, к огромному сожалению, выходило у него очень плохо. Иногда он встречал дежурившего на своей территории одного из членов дисциплинарного комитета, которого хоть и не ненавидел, но сильно недолюбливал. Тот факт, что тому удалось выйти безнаказанным из перепалки, в которой они оба участвовали, сильно удручал Богдана Громова. Друзья рассказали ему всё, что произошло во время его лечения в медпункте.

— …Магия Огня теперь будет преподаваться в школе?! — с восхищением тогда переспросил Богдан.

— Да! Именно такую использовал тот #%^&%^# из дисциплинарного комитета! Поэтому его толком-то и не наказали. Несправедливо. Говорят, его слэм-девайс содержал последовательность для неё, — сообщил Даниил Ветряк.

Новость о новой магии его очень обрадовала. Достаточно сильно, чтобы не думать о своём проигрыше. Ещё Богдан Громов не высказал появившихся ненадолго сомнений, связанных с одной деталью. Она заключалась в том, что слэм-девайса в руках своего оппонента в тот обжигающе-жаркий день он так и не заметил.

Однако парень решил не придавать этому серьёзное значение. «Обычная невнимательность», — думал он. К тому же, Богдан Громов считал, что в тот момент ему было не до таких мелочей.

◊ ◊ ◊

(От 1 лица)

Последние дни были скучными. В связи со случившимся, преподаватели долго допрашивали меня, повторяя из раза в раз одни и те же вопросы. Не давали шагу ступить и наложили кучу других ограничений. Это очень забавляло, особенно, когда на любой их аргумент у меня находился контраргумент. Члены дисциплинарного комитета косо поглядывали, когда изредка наталкивались на меня. Хотя при этом здоровались, а другой раз даже спрашивали, как у меня дела.

То, к чему я не был готов, так это к тому, что из-за данной ситуации я неожиданно сближусь с человеком, с которым не планировал сближаться, по крайней мере, при таких обстоятельствах. Всё началось на второй день, после случившегося. Во время перерыва я сидел на скамейке, которая располагалась практически у самого входа в один из корпусов (отойди я дальше, за мной бы прибежал кто-то из преподавателей).

— Привет, — рядом присела Хаён. — Извини за вчерашнее, — сказала она хоть и искренне, но

натянуто улыбаясь. Я чувствовал, что она пересиливала себя. Видимо, дело не только в грубом характере, но и в неумении контактировать с людьми.

— Привет, — сказал я с холодной ноткой в голосе. Девушка это заметила, судя по лицу, которое на секунду поникло. Интересно, было ли у неё желание встать и уйти? Я этого уже не узнаю, так как она осталась сидеть рядом.

— Случившееся; это я виновата.

— Разве? — я повернулся к ней; теперь мы смотрели друг на друга. — Хочешь сказать, это ты спровоцировала второклассника, использовала против него пламя и вынудила его активировать Магию Молнии?

Хаён молчала.

— Видимо, я чего-то не знаю, и, кроме усыпления людей…

—Как ты узнал?!

— …ты способна вызывать у них ещё и галлюцинации…

— Это не так!

— …потому что, судя из твоих слов, всё, что вчера произошло — это плод моего воображения.

— Я не это имела ввиду!

— Тогда что?

— Неважно! Как ты узнал?! Откуда?!

— Ты о чём?

— Не придуривайся!

— Ты о Наркозе?

— Ты и название знаешь, откуда?!

— Не важно.

— Важно!! — взъелась Хаён пуще прежнего.

Глава 17. Отказ

— Дай подумать… «Сборник магических аннотаций» Даля. Страница — не помню какая — название слэмов на букву «Н»:

«Наркоз — магия, основанная на синтезе и манипулировании оксидом азота (N2O) — бесцветного газа, при вдыхании которого развивается состояние опьянения и сонливость. Магия имеет непосредственное влияние на организм человека, поэтому попадает под пункт Кодекса Волшебства №11: запрещается применять магию, напрямую влияющую на изменение физиологических процессов в организме вида Homo Sapiens, а также синтезировать вещества непосредственно в организме вида Homo Sapiens (яды; наркотические вещества, транквилизаторы, галлюциногены и др.)» — верно?

— Верно… — ответила Хаён рефлекторно. Глаза её округлились и смотрели то ли на меня, то ли через меня, будто девушка ушла в прострацию.

— Чуть не забыл. «Имеет сладковатый вкус и запах», — добавил я.

Прошло несколько минут, прежде чем Хаён заговорила. Она обдумывала сказанное мной и подбирала слова для ответа.

— Моя мать была врачом. Она меня обучала; раньше.

— Можешь не смотреть на меня так. Если хотел, я бы уже сообщил руководству. В отличие от моей, хоть и в разы опаснее Магии, твоя не входит в список разрешённых ни в этой школе, ни во всей Монголии.

— Для её использования нужна лицензия.

— Знаю, но у тебя её нет, более чем уверен. Поэтому стоит следить за тем, что и на ком используешь, дабы избежать будущих неприятностей.

— Я считаю это неправильным. Ну… То, что в некоторых случаях, более опасные вещи обходят

закон стороной, — на секунду задумавшись, она добавила. — Не подумай, я рада, что это помогло тебе не влипнуть в серьёзные разбирательства. Тем более, это я разозлила того чокнутого второгодку из какой-то там «великой» семьи…

— А ты сама не из крупной семьи? — перебил я собеседницу, которая запнулась и резко покосилась на меня. — В нашей стране разрешается скрывать свою фамилию (до определенного уровня), но в школах так обычно поступают некоторые члены крупных фракций или чего-то похожего. Тебя ведь все знают только по имени.

— Ну… это сложный вопрос. Я не хотела бы отвечать на него, — ответила она так искренне, что даже я удивился. Я не ожидал, что смогу в принципе поладить с этим человеком, хоть и имел на неё планы, а теперь оказывается, что это не такая уж и сложная задача. — Я пока буду дежурить сама, — сменила она тему разговора, — хотя глава дисциплинарного комитета уже потирает руки: надеется, что тебя выпрут.

— Думаю, ты преувеличиваешь, — солгал я. — Я слишком хорош, чтобы кто-то хотел избавиться от меня.

Хаён улыбнулась. Затем встала и попрощалась. Совпадение или нет, но практически сразу за этим прозвучал сигнал, сообщающий о начале очередной пары.

Приятные воспоминания. После того дня мы больше не пересекались, до тех пор, пока ко мне в субботу (школы-шестидневки — это то ещё преступление по отношению ко всем ученикам мира) не подошёл преподаватель боевой магии, параллельно следящий за работой дисциплинарного комитета — учитель Юрий Ежи. Он сообщил о том, что от меня наконец-то отстанут, и я снова могу делать то, что хочу. Правда, запретил пользоваться Магией Огня на территории школы. И предупредил, что и за её пределами это может привести к плохим последствиям.

— …И ещё, — сказал он. — Ты довольно неплохо владеешь её синтезом и контролем. В следующем семестре я буду преподавать её всем третьеклассникам из классов A, B и C (классы с юридическим направлением). Не хочешь мне немного помочь с этим?

— Нет, — ответил я категорично.

— Уверен?

Он не стал настаивать, но я отчётливо услышал недовольство в его голосе.

— Да. Мне это совершенно не интересно.

«Для меня это не больше, чем кухонная магия», — воздержался продолжить я. К тому же, я чувствовал, что его предложение имело скрытые цели.

— Ладно… После пар можешь возвращаться к обязанностям в дисциплинарном комитете, — сказал он. — Точно. Передай кое-что его членам…

Договорив, Юрий Ежи развернулся и ушёл, не дождавшись пока я скажу: «Хорошо».

Таким образом, после пар я направился в штаб, где и встретился со всеми, в том числе и с Хаён (впервые, после нашего разговора несколько дней назад).

— Всем привет.

Видимо, зная уже о снятии с меня всех «обвинений» и готовая к этому моменту, Сакура Кудо искусственно улыбнулась, подавляя своё недовольство и разочарование, которые накопились в ней. Девочка старается.

— Я рада, — первой заговорила Эмилия, — боялась, что тебя исключат отсюда. Хорошо, что всё обошлось.

— Это ты называешь «обошлось», когда, в конечном счёте, они пострадали, чуть не лишив друг друга жизни? — сказал на удивление Леопольд — один из первоклассников этого года. Видимо, они не впервые поднимают эту тему, так как смотрели друг на друга, будто два голодных волка.

Если подумать, Леопольд был одним из первых, кто оказался на месте нашего сражения. Могу ошибаться, но, судя по всему, это произвело на него впечатление. Правда, не самое благоприятное.

— Повторюсь, в конечном счёте, всё же обошлось, ведь так? — ответила Эмилия.

Леопольд не стал отвечать. Я наблюдал за всем этим со стороны, немного отстранённо. Я посчитал, видимо, оптимистично, что все уже прекратят разговоры на эту тему. Мне казалось, времени прошло достаточно.

Масла в огонь подлил Маэда Исори, сказав:

— Я согласен с Эмилией. Кто-то должен был поставить его (Громова) на место. Его дружки после инцидента ходят, не вызывая лишнего шума.

Они снова продолжили спорить.

Самое интересное, Сакура не пыталась их остановить. Я посмотрел на неё, и мы встретились взглядами. В её так и читалось: «Доволен, ты такой #^%#*&, что из-за тебя даже люди ссорятся».

— Что?!

— Ничего, — ответила она мне.

Я повернулся к спорящим, от шума которых моя голова начинала болеть, и сказал:

— Может вы уже ЗА-молчите?!

— Но… — хотела было возразить Эмилия, но остановилась под моим пристальным взглядом.

Все взоры устремились на меня.

— Во-первых, учитель Ежи просил сказать, что уже в следующем месяце начнётся первый тур олимпиады по боевой магии. Он хочет, — я перевёл взгляд на Сакуру, — чтобы ты на следующей неделе всё с ним обсудила…

Она кивнула.

—…а вы, — я снова окинул всех взглядом, — должны решить примите участие или нет. Если да, то сообщите об этом главе. Это — во-вторых.

— Хорошо, — послышались тихие голоса.

Я встал и направился к выходу — раздражение, которое появилось ещё ночью, вновь нахлынуло на меня. Шум этих школьников только усилил его.

— Подожди, — сказала Хаён и пошла следом за мной.

Мы с ней вышли и направились дежурить. Хотела или нет — не знаю — но она ничего так и не сказала. Казалось не потому, что не хотела, а из-за того, что испугалась моего плохого настроения.

Глава 18. Человек, который не любит менять планы

(От 3 лица)

Сегодня было 14 сентября, полдень понедельника.

В полицейском участке Батора полковник Рамит — коренастый лысый мужчина на вид лет сорока — сидел за столом. Он ожидал своего сына, с которым они договорились встретиться. Ему нужно было сообщить ему кое-что серьёзное.

У отца было правило, что все важные вопросы, связанные с работой, обсуждались только в его кабинете. Он никогда не выносил их за пределы этой комнаты (за исключением редких случаев). Сегодня он заварил себе кофе, а не чай. Это было связанно с тем, что ночью ему не дали нормально поспать. Ещё и утро выдалось напряжённым.

Ожидая сына, он взял в руки газету «The Guardian» — одну из немногих, которые дожили до сегодняшнего дня в печатном виде — на первой странице были три статьи.

Он остановился на первой.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ ДОКТОР ГЕНРИ ЧАНГ ТАК И НЕ БЫЛ НАЙДЕН

Как сообщают правоохранительные органы, следы Генри Чанга — доктора Монгольской академии наук, который без вести пропал ещё в начале этого года — так и не были найдены. Напомним, что несколькими месяцами ранее до его исчезновения, он сообщил в полицию Батора о пропаже своих жены и сына, о которых также до сих пор ничего не известно. Чем занимаются правоохранительные органы — неизвестно!

Генри Чанг получил докторскую степень в области нейрофизиологии в 30 лет (сейчас ему 43 года), после завершения аспирантуры в Национальном Университете Батора… (продолжение на стр.5).

Несмотря на то, что полковник Рамит не имел к расследованию по исчезновению учёного отношения, ему было известно, что у его коллег дела с этим идут плохо.

Дальше он бросил взгляд на самую большую статью, рядом с которой была фотография бородатого черноволосого мужчины, стоящего на фоне ограды. Полковник погрузился в

чтение.

ОЧЕРЕДНАЯ ВОЙНА КЛАНОВ. КОГО НА ЭТОТ РАЗ УНИЧТОЖИТ СЕМЬЯ КУДО?

Сегодня стало известно о конфликте двух высокопоставленных семей Монголии, который привёл к прямому столкновению и жертвам. Очевидцы сообщают о том, что обе стороны использовали боевое волшебство, есть сведения о применении одной из сторон электрической магии, а также взрывного синтеза (детали не уточняются). Полиция Батора отказывается раскрывать детали происшествия.

Известная связью с верхними эшелонами Монголии, семья Кудо снова в центре внимания. В этот раз она решила выяснить отношения с семьёй Морган, которая поддерживает проект о роспуске Всемонгольского Магического Совета (ВМС). Причиной появления такого проекта волшебник мирового уровня — Ганц Йохансон — считает некомпетентность нынешнего состава.

«…Они виноваты в военных действиях, которые начинают происходить на территории Африки. По крайней мере, они, как одни из гарантов безопасности в нашем мире, не предприняли никаких действий, чтобы предотвратить это. Кроме того, появляется всё больше сведений о возвращении Чёрных Магов. Всемонгольский Магический Совет, повторюсь, как один из гарантов безопасности в нашем мире, упорно игнорирует эту информацию, пытаясь действовать лишь в своих интересах…» — сообщил во время интервью с нашим журналистом Мировой Волшебник Ганц Йохансон, который занимает пост главы Международной Организации Защиты Граждан (МОЗГ).

Как известно, семья Кудо входит во Всемонгольский Магический Совет, что позволяет предположить, что именно проект о его роспуске стал причиной начала «войны» между двумя кланами. Специалисты утверждают, что семья Морган нашла себе опасного противника, обосновывая свои доводы тем, что все, с кем конфликтовала семья Кудо, кончили плохо. «…Блеки, Смиты, Шпак, Улан, Маэда, Хао и многие другие — все эти семьи были либо уничтожены, либо подчинены семьёй Кудо в разные времена…» — говорит историк и политолог Нар Сул из центра аналитики… (продолжение на стр. 2).

Уже после прочтения второй статьи у полковника пропал интерес и желание читать дальше, он лишь мельком бросил взгляд на третий заголовок.

МЕРТВЕЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ «СБЕГАТЬ»: КТО НАВОДИТ СМУТУ?

Морги разных стран продолжают сообщать о пропаже трупов. Обычно количество не превышает двух тел. До сих пор не известно, является ли это совпадением или за этим стоят определенные группировки, создавшие сеть по всему миру. Правительства разных стран объединяются и собирают Международную комиссию для решения данного вопроса…

Полковник Рамит отбросил газету на стол, откинулся на кресле и закрыл глаза. Трудно было понять: он заснул или о чём-то задумался. Через 15 минут в дверь постучали, а затем в кабинет вошёл Наран Рамит — оперуполномоченный боевой волшебник в звании лейтенанта. Как обычно, он сел за стул, напротив своего отца. Затем обратился:

— Что случилось?

Дело было серьёзное, поэтому он не стал затягивать с приветствием.

— Сегодня ночью какие-то шишки из другого государственного спецподразделения наведались к нам. Мне позвонил дежуривший зам — благо он был на месте — видимо, они ищут тех солдат из ОАК, хотя прямо об этом не говорят, — полковник сделал глоток уже остывшего кофе. — Они ничего не нашли и ушли. Следовательно, точных данных у них нет. Вот и рыскают везде, где можно.

— Нам повезло. Я и сам не ожидал, что поступит предложение забрать их раньше изначально-договорённого срока, — сказал сын отцу.

— Странно всё это.

— Согласен. Не удивлюсь, если «он» как-то прознал об этом и перестраховался. Зато есть плюсы для меня, — лейтенант довольно улыбнулся.

— Не таи. Тебе ещё далеко до того, чтобы создавать интригу, Наран, — сказал полковник.

— Я более чем уверен, что выполню своё обещание, данное тебе насчёт безопасности тех солдат. Как говорится, меняешь время — меняй и планы.

— Вот как… Я и не сомневался. Не выполни ты его, тебе будет трудно продолжать службу. Уж поверь…

— Понимаю…

— …Даже если никто не найдёт твоей причастности — а я, увы, не смогу кому-либо об этом сказать и тем более обвинить тебя сам — тебя замучает совесть. Это не способ призвать к морали, просто я знаю какой ты — я тебя вырастил как-никак.

Прежде, чем Наран Рамит успел бы что-то сказать, полковник продолжил:

— Хотя теперь всё не так просто… Но обо всём по порядку. Это ещё не всё.

— Я так и понял. Тебя ещё что-то волнует.

— На самом деле, изначально, я и проблемой это не посчитал, пока не вспомнил один наш разговор. Полковник Рамит выжидающе посмотрел на сына.

— У нас их было много. Какой именно? — ответил тот, не понимая, о чём говорит отец.

— Тот, Наран, где я вскользь поинтересовался у тебя, что такой человек как «он», забыл в школе. В ответ ты буркнул что-то расплывчатое, но главное, упомяну одну фамилию — «Тсуба».

Собеседник кивнул, подразумевая, что понял, о чём идёт речь и сказал:

— Ты же знаешь, я в его дела особо не лезу.

— Но тебе что-то известно?

— Ещё в начале года он попросил меня кое-что сделать, сказав: «Услуга за услугу». Увы, услуга была не за ним, так что пришлось согласиться…

— Тогда уж: «Пора возвращать должок…» — но да ладно, зная тебя, ты бы и так согласился.

— Услышав просьбу, я поинтересовался, зачем ему это. Он и сказал: «Поохраняю одну девчонку из семьи Тсуба, может влюбится в меня! — хихикнет в своей манере и добавит. — Информация — это сила, лишней никогда не бывает». Я не стал уточнять и ещё больше лезть в это дело, хотя и не особо поверил. А потом он мне предложил дело с солдатами ОАК, кланами и

теневыми организациями, тогда-то всё и стало на свои места. По крайней мере, я так считал, до сегодняшнего дня.

— Ясно. Скажу прямо, в чём-то он тебя не обманул, однако вопросов от этого меньше не становится. Помнишь тот случай, когда нашли труп какого-то хакера, около недели назад?

Во взгляде полковника — своего отца — Наран увидел такую хмурость, которую видел очень редко. Обычно, она была предпосылкой к серьёзным проблемам.

Глава 19. Домыслы

— Хакера?.. Да. Меня там не было, но слышал, — ответил Наран Рамит отцу.

— Так вот, делом заинтересовалась контрразведка. Эти, если захотят, и дьявола достанут. Им удалось восстановить оборудование, извлечь материалы и даже найти нити, которые связывают убитого с американцами. Правда, найти следы убийцы даже они не смогли.

— А говоришь, даже дьявола достанут.

— Видимо, есть вещи и хуже дьявола. Не перебивай, — полковник отругал сына, как маленького ребёнка. — Но это не совсем так, одного человека они выследили, сначала её подозревали в убийстве, установили наблюдение. Параллельно продолжали расследование. Оказалось, она связанна с девочкой, за которой шпионил убитый.

— То есть жертва, на деле не жертва?

— Нет, сын, — с холодком в голосе сказал полковник, — ты мыслишь не в том направлении.

— Прости…

— Это значит, что она интересует американцев.

— Вот оно как, — сказал Наран с видом человека, до которого начало доходить, почему два плюс два умножить на два равно шесть, а не восемь. — Тогда ведь получается, что…

— Поверь, — перебил его отец, — даже мы пока не понимаем, что получается.

— Тебе это сообщил он?..

— Да, это был генерал-полковник. Он лично явился ко мне сегодня утром.

— По старой дружбе?

— Возможно, и поэтому тоже. Его люди вынюхали, что мой отряд недавно арестовал «неизвестных», там не дураки — сложить два и два они способны.

— Так это они устроили ночью ревизию?!

— Нет, это были не они. Ночные не подозревают конкретно нас, они просто везде вынюхивают, а вот… Генерал-полковник из контрразведки прямо сказал, что знает о нашей причастности. Но то, что я скажу дальше, тебя удивит ещё больше. Для начала, они намеренны захватить девушку из Тсубы…

— Но ведь если «он» не лгал и правда охраняет её?! — сказал Наран.

Отец и сын — оба удивились. Лейтенанту показалось, что слова принадлежали не ему, а кому-то другому.

— Успокойся, Наран. Я бы тебя не позвал, если бы не считал это проблемой. Для начала дослушай. Есть ещё кое-что. Они думают, что всё происходящее — затеяно мной, так получилось, что невольно я стал практически центральным звеном последних событий. Кроме того, зная меня, им стало не трудно в это поверить. Ведь других возможных вариантов они и не видят.

Наран Рамит начал выпадать из реальности. Сейчас он стал понимать, в какую щепетильную ситуацию они попали, особенно отец. Ещё утром он был уверен, что они останутся в тени, а теперь?..

— Что не так с этой девчонкой, зачем она им всем сдалась? — спросил лейтенант.

— Здесь мы с тобой схожи, я тоже поинтересовался этим у генерал-полковника.

— Он ответил?

Отец вздохнул.

— Да, но лучше бы не делал этого. Они одобряют «мой» план, и хотят сотрудничать. Поэтому он мне много чего решил выдать.

— Что? Но у тебя же нет никакого плана?

— Знаю, но иногда приходится импровизировать.

— Ты не смог сказать всё как есть? Не смог сказать о «нём»?

— Честно? На мгновение, я задумался об этом. Однако, как ты и сказал, я не смог, — отец мягко посмотрел на сына, — я слишком ему благодарен. Да и не знаю, к каким бы последствиям это привело. Но давай не будем отходить от темы? О чём я… Так вот, её настоящая фамилия Йотсуба. Она из семьи-волшебников Америки, у которой сейчас серьёзные разногласия с самим правительством. Представляешь, что это такое?

— Да, но в чём причина?

— Во-первых, территории. Эта семья не просто крепко обосновалась в южной части американского континента ещё во времена катастрофы 53-го года, но и, считай, что стала там органом власти к сегодняшнему дню. (На подчинённых ей территориях, конечно.) Подробностей даже я не знаю. Во-вторых, они владеют магией, которая почему-то стала очень привлекательна правительству. В-третьих, в клане витают радикальные взгляды. Это из слов генерал-полковника сегодня утром.

— Они хотят независимости?

— Правильно, — сказал полковник Рамит. В этот раз он был доволен сообразительностью сына. — У них всё больше сторонников. Это всё сильно не нравится правительству ОАК. Эта девочка «Тсуба» — одна из детей глав клана. Ситуация у них там сейчас сложная, видимо, поэтому некоторые их дети и разбросаны по миру и растут отдельно от семьи. Её имя Эрика, хотя, как и фамилия, оно может быть не настоящим. Захватить её для американцев — получить ещё один рычаг давления на сам клан. Правда, на козырь не потянет, но всё равно может пригодиться.

Лейтенант тяжело вздохнул, затем сказал отцу:

— Теперь понимаю. Заполучив такого персонажа, наша контрразведка сможет получить дополнительную плюшку для своих схем с ОАК. Верно?

— Всё правильно. Она и её опекун (или охранник) у них под колпаком, однако пока они действовать не будут.

— Ради сотрудничества? Думают, что помешают твоим «планам», которых у тебя никогда и не было?

— Именно так. Какие идеи, сын?

— Пора нам строить схемы?

— Скорее всего. А что думаешь на счёт «него», мог ли он предвидеть всё это или… пошутить так над нами?

— Мог, наверное. При последней встрече я его взбесил малость. Буду надеяться, что это совпадение. Кроме того, я не представляю, как бы он смог это провернуть…

— Тяжёлый человек. Ты всё равно свяжись с ним. Я тоже готов пообщаться. Проблема в том, что над ним никого нет и понять, что у него на уме — невозможно. Я всегда сожалею о том, что он отказался работать у нас. Сильно сожалею.

— На счёт этого… — тихо сказал лейтенант. — Разве не получается, что клан Тсу, то есть Йотсуба стоят за…

— Нет, не думаю. У меня есть некоторые идеи, но это лишь домыслы, поэтому они не стоят внимания. Расслабься. Не знаю, что их связывает, но это не что-то серьёзное. Конечно, я могу ошибаться, но, почему-то, уверен в этом.

Наран Рамит успокоился. Он знал, отец всегда говорит прямо, без лишнего словоблудия.

Глава 20. Разные люди — разные приоритеты

Тот же час (14 сентября, понедельник, полдень): где-то в центре Батора одинокий мужчина с растрёпанными волосами и щетиной влез в открытое окно квартиры №139 по проспекту Мир. Он привык заходить сюда именно таким способом. В центре комнаты находился деревянный столик с разбросанными и стоявшими на нём шахматными фигурами. С краю стола лежал листик. Мужчина подошёл и взял его в руки, под ним было ещё что-то.

«Хэй, твоя мамочка будет рада, если ты нарядишься в костюмчик шакалов-моргеналов и сыграешь за того парня, который сейчас отдыхает в Переулке 3. Он будет рад, если ты навестишь его как-нибудь. Вне отдыха можешь устроить праздник для одной именинницы. Праздник состоится 11 октября в школе Батора. Поговаривают, главный гость будет на

совещании в другом месте. Важно, не стоит делать сногсшибательных подарков, хватит просто пожать руку.

P.s. Даже если главный гость сможет приехать, тебе всё равно придётся всё сделать».

Мужчина спрятал листок во внутренний карман плаща. В руке осталась фотография, которая лежала до этого под листочком. Там была молодая девушка. Лицо хомяка — узкие глаза и круглые щёки — выдавало в ней японку.

◊ ◊ ◊

(От 1 лица)

Сентябрь быстро подошёл к концу, наступил октябрь. Как и полагается для школьника, я стабильно посещал занятия, тесно связав отведённое на учёбу время со своей основной деятельностью.

— Караак! — ко мне обратилась Милина, моя одноклассница, с которой меня познакомил Отто Фишер. — Ты правда ничего не сделал, ты же обещал?! — сказала она со злостью, с которой я ещё ни разу её не видел.

Так… Сегодня был четверг. Прошёл практически месяц с первого занятия по прикладным основам магии, когда Мари Стоун задала нам работу по Магии Молнии. Отто и Сьюзен решили делать работу вместе, это привело к тому, что его вторая подруга — Милина — осталась сама. В такие случаи она всегда кооперировалась с кем-то другим из класса, а в этот раз предложила эту участь мне.

— Разве сегодня уже сдача?

— Да-Да!-Да!! Ты ведь говорил, что помнишь и выполнишь свою часть. Теперь, из-за тебя, — она подчеркнула, — я получу плохую оценку.

Сначала, я хотел сказать какую-нибудь глупость и перевести это в шутку. (Без обмана, у меня

вылетело из головы выполнить свою часть работы, да и я как-то не переживал на этот счёт.) Однако, её глаза заслезились. Я знал, что Милина учится хорошо, очень хорошо, но не воспринимал это всерьёз. Теперь я осознал, насколько ошибался. По её исписанным листам с кучей клякс я понял, как много работы она провела (а ведь она всегда такая была, даже за тот короткий промежуток времени, который я её знал). Девушка воспринимает учёбу как должное, и хоть ей недостаёт врождённых способностей, она компенсирует это усердной работой.

Блин.

У меня ёкнуло в груди. Это случилось само собой. Появился осадок. Я был немного удивлён этой реакции в организме. От мысли, что я подставил человека, мне стало как-то не по себе.

Милина сидел за столом, прислонив руки к лицу. Подошли Отто и Сьюзен, которые до этого о чём-то разговаривали в стороне. Видимо, обсуждали детали своего доклада. Я бы не сказал, что сильно сблизился с ними после знакомства. Они даже приняли согласованное решение не спрашивать меня о случившемся инциденте с Громовым. Общались мы только на занятиях. Я им помогал на уроках боевой магии у Юрия Ежи, от чего им было хоть и приятно, но немного не ловко.

— Что случилось, — спросил Отто?

Милина молчала, я ответил:

— Забыл выполнить свою часть работы. Милина расстроилась.

— Ну вот… — встряла Эмилия. — Милина, ты всегда воспринимаешь всё близко к сердцу. Эта не такая уж и обязательная работа, — получив пронзительный взгляд своей подруги, она быстро добавила, — ты можешь выступить и со своей частью. Тогда получишь оценку, а ты, — она обратилась ко мне, — так уж и быть ничего не получишь.

— Не знаю… Тогда доклад получится не полным, от чего я в лучшем случае получу удовлетворительно, — ответила Милина не открывая лица.

Мне это порядком начало надоедать, я даже хотел высказаться о том, что они придают этому слишком много значения. Хотя… Я задумался. Разве плохо относиться так к учёбе?

— Может, тогда примкнёшь к нам со своей частью, и мы тебя куда-то втиснем с твоей информацией? — сказал Отто без задней мысли.

— Правда? — не сдержавшись, ответила Милина, видимо, тоже без задней мысли.

Внешне я был спокоен, но не внутри. Их диалог меня задел. Сильно задел. Такими темпами я могу выйти из себя. Тем, кто заметил эту незначительную перемену, был не Отто, не Милина,

не Эмилия и не кто-то другой из учеников. На нас смотрела преподаватель!

— Это плохая идея, ребятки, — обратилась она к троим из своего места. Она сидела далеко от нас, но всё равно услышала разговор, а сказанное ею тут же дошло до нас. Магия, не иначе.

Отто, Милина и Эмилия тут же повернулись к ней, с некоторым испугом и неуверенностью в глазах, и одновременно извинились. Затем снова посмотрели друг на друга. Неловкость так и отражалась на их лицах.

Однако я не успокоился. Случайная искра, щёлкнувшая у меня внутри, с каждой секундой разгоралась, превращаясь в пожар колоссальных размеров. Дело не в обиде и тем более не в самолюбии, а в бесконтрольном давящем чувстве на всё сознание, которое теперь увеличивалось без какой-либо на то причины. Как бы сказал доктор Генри Чанг: «Сложные нейрофизиологические процессы». Из-за этого мой «недуг» начал давать о себе знать. Мне стоило тут же отпроситься и уйти, но сигнал, информирующий о начале пары, раздался именно в этот момент.

— Так, начнём, — тут же среагировала Мари Стоун.

Я поднял руку.

— Профессор Стоун, можно выйти?

— Вы? Нет. Нужно было подумать об этом во время перерыва.

— Но учитель, я плохо себя чувствую…

— Караак, — обратилась она ко мне со всей строгостью в голосе, — если вы не готовы или не уверены, что готовы — это не повод лгать и мешать началу пары.

Моё обычно бледное лицо, думаю, стало ещё бледнее. Разве ты не заметила, старая ведьма, когда впёрла своим взглядом в меня, что что-то изменилось?! Нет? Или испытываешь меня из любопытства. Для твоего же блага лучше, чтобы правдой оказался первый вариант.

«Зачем я слушаю её?! Зачем я вообще кого-то здесь слушаю?! В этой школе?!» — одни и те же мысли из раза в раз прокручивались в моём сознании.

Ух, я терял контроль. Ещё и эта боль в теле; в каждой клетке организма. Оно будто разрывалось на части. Мари Стоун продолжала что-то говорить. Милина косо посматривала на меня, то ли из-за злости, что я хотел уйти, то ли смогла заметить, что я не лгал и мне нехорошо.

«Я здесь для того, чтобы…» — стал я повторять себе о целях моего пребывания здесь в ответ на прошлые мысли. Самовнушение, хоть и слабо, но помогало взять себя в руки.

Чувствовал я себя очень плохо, тело, как это бывало, ныло от невероятной боли. Я взял себя и свои мысли под контроль. Я терпел и даже не изменился в лице. (Разве что, не считая слабую бледность, появляющуюся в такие моменты.)

Я смог пересилить желание уйти отсюда. Смог пересилить желание повздорить с Мари Стоун. Смог пересилить желание привлечь к себе внимание.

Я очень хотел использовать какое-нибудь волшебство, но сегодняшняя пара была посвящена отчёту о проделанной учениками работе в области Магии Молнии. Изучением или повторением слэмов сегодня не занимались. А начни я активировать что-то самовольно, даже если незаметно, Мари Стоун — я был уверен — обратит на это внимание. Она точно что-то почувствовала, когда уставилась на меня перед самым началом занятия. Следовательно, манипуляция кварками в одной комнате с ней — плохое решение. Даже хуже, чем просто начать с ней спорить.

Глава 21. Живительная сила воды

Случайно сказанные слова могут вывести человека из себя — и такое бывает. Может дело в том, что я немного холерик?

Я был настолько погружён в себя, что не замечал, как ученики один за другим выходили, и рассказывал что-то на заданную тему. Судя по выражению лица Мари Стоун, их доклады были посредственными и не информативными. Очевидно, Богдан Громов никому из них не помог.

Настала очередь Милины. Увидев её лицо, мне стало не по себе. Нет, не потому, что я чувствовал вину или что-то такое. Просто… Мне показалось, что она готова была совершить какую-нибудь глупость.

— Так, Милина Гофф, — сказала Мари Стоун, — можете начинать.

— Спасибо, в общем, я нашла такую информацию о Магии Молнии… — и она начала свой доклад. Я постарался отстраниться от проблем, которые сейчас мучали меня, чтобы внимательно послушать девочку — это то немногое, чем я мог ей помочь, по крайней мере, её взгляд часто падал на меня.

В нескольких местах её речи преподаватель довольно кивала, а в другой раз даже выражала

удивление (скорее ученицей, чем новизной услышанной информации).

— …в конце я хотела бы провести демонстрацию! — закончила свой доклад Милина и уставилась на преподавателя.

Мари Стоун внимательно посмотрела на ученицу, немного прищурившись. Она не была удивлена таким заявлением, как и я. Преподаватель сразу почувствовала, что что-то подобное может произойти.

— Я не могу позволить. Это опасно. У вас хороший доклад, хоть и неполон…

Слово «неполон» что-то переключило в сознании Милины, потому что она сразу перебила преподавателя и сказала:

— Я готова и справлюсь. Я уверена. Это является частью моей презентации. Смотрите, — не дожидаясь разрешения, Милина вытянула две руки вперёд, при этом указательные пальцы смотрели друг на друга, — у меня уже получалось…

— Подожди!.. — сказала Мари Стоун, приподнявшись со своего места.

Раздался жужжащий звук. Тонкая электрическая струйка появилась между указательными пальцами правой и левой рук.

— Электричество — это поток заряженных частиц. Сами по себе кварки обладают зарядом, однако вся масса элементарных частиц, которыми мы способны манипулировать, его не имею. Это потому, что они нейтрализуют заряды друг друга, находясь в нашем организме, например в магических узлах, или в общем потоке вне тела. Волшебникам очень трудно отделять их. Кроме того, потеряв контроль или сделав другую ошибку, может выйти так, что весь заряд ударит по организму самого оператора магии, — проговорила Милина очень быстро.

Весь класс смотрел на неё. Скорее всего, бóльшая часть из сказанного до них не дошла. Правда, в данный момент это не имело значения.

Я заметил неладное — в центре её тонкой электрической нити начал формироваться растущий шарик. Изначально он был очень маленьким, незаметным.

Несмотря на то, что Мари Стоун, лицо которой сейчас выражало злость, сразу после выходки ученицы возвела несколько барьеров, она ещё не заметила формирующегося шарика, так как была чуть позади Милины. Моя одноклассница, которая уже всё сказала и показала, решила закончить свою демонстрацию, а, следовательно, и магию.

— Стой! — сказал я вставая. Тело всё ещё невероятно ломило. К этому моменту боль была в разы сильнее изначальной.

Милина не услышала, а, может, просто проигнорировала мои слова. Сразу после них она прекратила поддерживать тонкую электрическую нить. Уже подросший шарик перестал увеличиваться, но не исчез. Потеряв источник, питавший его, он стал издавать неприятный усиливающийся звук.

Проблема заключалась в том, что ещё никто не успел должным образом отреагировать на это, даже преподаватель, так как прошли какие-то секунды. При этом шарик уже светился ярче и был покрыт узорами битого стекла.

Скорее всего, как только он полностью потеряет свою стабильность, разряды тока полетят в разных направлениях. Я не думаю, что дело дойдёт до взрыва, но это не точно.

«В обычных условиях молния формируется за счёт появления отрицательного заряда в нижних слоях туч. При этом на земле образуется сильное электрическое поле, а на её поверхности — положительный заряд. Тучи «хотят» нейтрализовать свой отрицательный заряд, вследствие чего, появляется коридор между ними и поверхностью земли, по которому двигаются положительно заряженные частицы и наоборот. Этот процесс, сопровождающийся свечением, и получил название «молния».

(Именно такие слова были написаны на большом экране позади Милины.)

Созданный Милиной электрический шарик был хоть и небольшим, но достаточно мощным, чтобы привести к серьёзным последствиям.

Я начал действовать ещё до того, как подорвался. Рефлексы сделали своё дело. Я быстро синтезировал водную сферу, которая на своей поверхности имела противоположный электрическому шарику заряд. Она была здоровой. Что уж говорить, если посреди класса в воздухе появился шар размером с книжный шкаф? Даже Мари Стоун впала во временный ступор. Как-никак она была учёным, а не солдатом. Быстро среагировать на казусы, которыми была богата сегодняшняя пара, не каждому под силу.

Послышался характерный треск. Появилась вспышка, а за ней последовали молнии. Они за доли секунды поменяли все свои возможные направления и ринулись в сторону водного шара. Я опасался, что не смогу провернуть это со всеми молниями. Думал, что в Милину что-то да попадёт, ведь она была ближе всех к источнику. Поэтому усилил магнитное поле вокруг шара.

Это привело к тому, что кроме молний стали притягиваться и некоторые вещи, которые были в классе. Всё разлетелось. Вода кружила. Молнии в неё шарахали, пока не успокоились. Все смотрели, не понимая, что происходит. Полный беспорядок!

Я хорошо осознавал: мне ничего не поможет сейчас успокоить и найти общий язык с Мари Стоун. Я и Милина (особенно она) — отхватим по полной. Я не боялся, в жизни бывали вещи и похуже, а вот для школьницы это будет тяжёлым испытанием, учитывая, что до этого она ревела из-за мелочи, под название «домашнее задание».

Интересно, до этой старушки дойдёт, что все могло бы окончиться намного хуже?

Раз мне терять было нечего (я герой, вообще-то; и спас всех, между прочим), а невероятная боль немного ослабла, отчего настроение у меня улучшилось, я решил не париться. Водный шар, порхающий над партами в центре класса, со звучным лязгом упал вниз, окатив всех присутствующих прохладной водой. Эта участь не обошла и без того злую Мари Стоун.

Глава 22. Долгожданная встреча

Я и Милина пошли к директору школы. Точнее, нас повила туда Мари Стоун. После случившегося она сразу завершила занятие, а учеников отправила сушиться. Мы шли молча. Она даже не отчитала нас, просто сказала: «Идите за мной, к директору». Мне больше хотелось пойти куда-нибудь в другое место и использовать магию, чтобы поубавить кварков, бушующих в моём теле. Из-за Милины мне пришлось привлечь к себе очередное внимание. К слову, она шла чуть позади и время от времени бросала на меня взгляд.

Подойдя к двери, Мари Стоун постучала. Послышалось приглушённое: «Войдите», после которого она повернулась к нам и сказала:

— Ждите здесь!

Затем вошла в кабинет и закрыла за собой дверь.

Бледнолицая Милина, с красными влажными глазами теперь смотрела вплотную на меня.

— Ты молодец. Сама разобралась в некоторых аспектах электрической магии. На такое мало кто способен, — сказал я, когда её выжидающий взгляд стал мне надоедать.

Мой собеседник продолжал молчать.

— …Правда, ты чуть не угробила пару-тройку учеников, и себя в придачу, но будем считать, что об этом история умалчивает…

Девушка заплакала.

— …Ты не бери в голову, попрактикуешься и сможешь спокойно использовать эту магию, учитывая твои теперешние успехи. И если потом кого-то ею и угробишь, то это будет уже целенаправленно.

— К-к-как ты-ы это сдел-лал? — расплывчато спросила Милина.

Слёзы и подавленное состояние мешали ей говорить.

— Обычный Синтез Воды. Я думал, ты умеешь им пользоваться, — ответил я прямо, воздержавшись от того, чтобы прикинуться дурачком.

— Я н-не это имела в-виду! Т-ты создал электромагнитное поле и заряд. Не делай из меня дуру, — её голос наконец-то прорезался, — я может и влипла в плохую ситуацию, но точно не из-за своей тупости!

— Вот это — спорный вопрос.

— Что ты сказал?

— Сказал, что ты путаешь «тупость» и «знания». Много знать — не значит быть не тупым.

— Я!..

— Что «я»?! Я не бахвалюсь, и не мне тебе делать выговор — это тебя ждёт впереди — но поверь на слово, не будь меня там, кто-то бы точно пострадал. В первую очередь, ты сама. НЕ мне распинаться о морали и прочей гадости, но из-за своего эгоизма ты была близка совершить трагедию. Точка! Можешь не спорить со мной. И не смотри на меня так, будто я тебе чем-то обязан или что-то должен.

Милина замолчала. Уверен, внутри она и сама всё понимала.

Прошло ещё минут пять, когда из кабинета вышла Мари Стоун. Она была спокойной и расслабленной. Всю предшествующую злость, будто из неё выбили. Что директор с ней там делал?

— Входите, — она указала на открытую дверь, — а я пойду разбирать устроенный вами

беспорядок.

Мы вошли.

Кабинет был просторным, но заставленный цветами в горшках, казалось, что ты заходишь в оранжерею.

— О, проходите, дорогие школьники. Присаживайтесь.

К нам обратился черноволосый мужчина, с заросшим лицом и прибитым носом. Он указал на два стула, стоявших перед его столом.

Сам он сидел и загадочно улыбался.

Милина начала ёрзать на стуле сразу, как только села. Чувствую, это продлится до самого конца нашего разговора.

— Значит, оба из класса 3-С и оба бунтари?

— Нет… — тут же ответила моя одноклассница. — Сегодняшнее происшествие… — это случайность.

— Думаешь? — уточнил директор. — Я вот всегда считал, что случайностей не бывает. Шоколадных конфет? — не дожидаясь ответа, предложил директор, протягивая круглую посудину, доверху набитую сладостями.

Милина отказалась, а я с удовольствие взял парочку и начал вскрывать первую.

— Молодец, сразу видно, что из приюта, — бросил директор невзначай, без злого умысла, но звучало это грубо. Другой бы мог и обидеться.

— Зря ты, — теперь он обратился к Милине, — они вкусные и успокаивают сознание. Знала бы ты, как на меня обижаются некоторые преподаватели, когда я не угощаю их.

Он и сам взял одного шоколадного медвежонка.

— Спасибо, было очень вкусно, — сказал я, доев первую вкусняшку, — я могу идти?

— Хо? Нет, уходить ещё рановато. Мы ведь только начали общение. К тому же, отпусти я Вас, как бы это сказать, не отчитав, Мари Стоун расстроится.

— Ясно. Тогда, отчитывайте.

— Зачем же торопить события?! — спросил директор с таким удивлением, как будто впервые узнал, откуда берутся дети.

— У нас сегодня ещё занятия, — вклинилась Милина, явно не довольная некоторыми высказываниями директора, хотя при упоминании приюта она быстро навострила уши.

— Правда? Как прискорбно. Тогда… Точно, гениально. Я освобождаю Вас сегодня от пар!

Довольный своей идеей, директор взял листик и длинную перьевую ручку, которая находилась в специальной подставке. Быстро что-то начёркал и положил на край стола.

— Всё. Можете не волноваться, — он улыбнулся и добавил, — в вашем возрасте я тоже был очень ответственным! Я ценю это качество. Жалко, что нынче всё меньше людей, которые наделены им…

— Тут согласен, в столовой еда такая себе, — сказал я с целью посмотреть на реакцию директора.

Он не обратил внимания, продолжая говорить:

— …Но с другой стороны — это придаёт ценность тем, кто наделён ответственностью, делая их желанными личностями. Разве не так?

Директор смотрел на Милину и не сводил глаз. Поняв, что он не отстанет, не услышав ответ, она сказала:

— Наверное, Вы правы…

— А ты что думаешь, — он перевёл взгляд на меня.

— Я? Ничего не думаю, я ем «Медвежонка Бима», но если вам так интересно, то одной ответственности мало. Нужно что-то ещё.

— Верно-верно! Именно, что-то ещё. Знания, упорство, талант и много-много чего ещё — всё это нужно в том или ином соотношении. Вот например, юная леди (Милина Гофф, если я не ошибаюсь), Вы смогли разобраться в Магии Молнии, что практически чудо, учитывая, что ваши родители обычные работяги. Разве это не то самое «что-то ещё»? — вопрос был адресован мне.

— Несмотря на то, что она чуть не убила нескольких человек, включая себя, в целом, вы правы.

Милина бросила на меня предательский взгляд. Директор это заметил.

— Что Вы, не стоит Вам, — обратился он к ней, — профессор Стоун и так мне всё рассказала, и как бы это прискорбно не было, но он прав. Я вынужден отчитать Вас со всей строгостью! Что ж… Давайте будем считать, что я Вас отчитал. Вы ведь больше не будете так бездумно поступать…

— Да!

— …и постараетесь выйти отсюда заплаканной и перепуганной, хорошо? Вот и здорово, — директор, довольно кивнув, перевёл взгляд на меня. — А можно ли тогда отнести под «что-то ещё» умение среагировать против Магии Молнии? Уже дважды по моей памяти? Не говоря уже о замечательном владении огненным синтезом?

— Даже и не знаю. Просто случайность.

— Я не верю в случайности, разве я уже не упоминал об этом? Точно, Вы ведь знаете, как меня зовут или нет? — не дожидаясь ответа (Милина уже было открыла рот), он продолжил. — Я ведь не представился, прошу прощения. Я Ганц Йохансон — директор этой скромной школы.

Оставалось лишь гадать: «знакомство» посреди разговора было результатом забывчивости директора, его странности или, может, наперёд продуманным ходом?

http://tl.rulate.ru/book/25164/747981